

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.12

EDN LLEWTY

УДК 314.04

Т. К. Ростовская¹, О. В. Кучмаева¹

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия.

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ БРАКИ КАК РЕЗЕРВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация. С углублением процесса глобализации расширяются масштабы взаимодействия различных культур, их взаимопроникновение, смешение, что увеличивает возможности заключения кросскультурных браков. Кросскультурные браки между россиянами и иранцами служат одним из значимых элементов процесса сближения двух разных культур, а также способствуют развитию интереса и толерантного отношения россиян к культурным традициям востока. Целью данной работы выступает анализ отношения иранцев и россиян к кросскультурным бракам на фоне трансформации желаемой модели семьи, выявления факторов формирования кросскультурных браков. Выводы построены на результатах Международного социологического исследования «Российско-иранские браки в контексте межкультурных взаимодействий», проведенного в июне-сентябре 2021 г. в городах России и Ирана коллективом авторов. Объем выборки составил 153 человека, включая представителей различных поколений в возрасте от 18 до 60 лет. Результаты опроса позволили выявить представления о модели семьи и брака для жителей Ирана и России. Исследование определило основные мотивы заключения кросскультурного брака, взгляды респондентов на взаимоотношения в семье, а также отношение к официальному оформлению статуса супругов. Отдельный блок вопросов был направлен на изучение проблем и условий жизни супругов в кросскультурных браках, необходимости мер специальной поддержки. Рассмотрены отношение к кросскультурным бракам в обществе, как со стороны россиян, так и со стороны иранцев. Полученные результаты могут быть использованы при разработке стратегий развития социокультурного взаимодействия России и Ирана. Выводы исследования важно учитывать в рамках усилий, направленных на сглаживание возможных острых вопросов межнациональных отношений; оказания поддержки кросскультурным семьям в процессе адаптации и знакомства с нормами, традициями, обычаями новой для супруга/супруги культуры.

Ключевые слова: кросскультурные браки; институт семьи; российско-иранские браки; межкультурные взаимодействия; межнациональные браки; межэтнические взаимодействия; модель семьи

Для цитирования: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Кросскультурные браки как резерв демографического развития России // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 159–172. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.12. EDN LLEWTY

Введение. В условиях демографического кризиса современного российского общества важность оценки масштабов и социальных последствий кросскультурных браков не вызывает сомнений. Уникальная самобытность таких браков связана с их объединяющей ролью в реализации современной модели семейно-брачных отношений, которая способствует созданию семьи между представителями различных социокультурных слоев общества, имеющих свои особенности культуры и системы ценностей.

Следует отметить, что в открытом доступе официальные статистические данные, характеризующие межнациональные браки, отсутствуют (Росстат

специальных выборочных обследований, посвященных данной тематике, не проводит; по результатам переписей в открытом доступе публикуется довольно скудная информация). Скудость информационного поля актуализирует проведение специальных исследований.

Целью данной работы выступает анализ отношения иранцев и россиян к кросскультурным бракам на фоне трансформации желаемой модели семьи, выявления факторов формирования кросскультурных браков.

Подходы к анализу масштабов и детерминант кросскультурных браков. Многогранность института кросскультурного брака обуславливает множественность предмета исследования.

Вопросам определения феномена «смешанного», «межнационального» брака, как типа брака, в котором партнеры имеют разную национальность, культурное происхождение или религию посвящены работы С. Салливана и Р. Коттона [1].

Таким проблемам межнациональных браков, как языковые барьеры, культурные конфликты, воспитание детей, различия в верованиях, традициях, обычаях и ценностях посвящены работы Романо, Бхугра и Де Силва, Вуд и др. [2; 3; 4].

Успешность кросскультурных браков во многом зависит от первоначальных установок супругов. В частности, труд П. И. Бабочкина «Кросскультурные браки в полиэтнической среде» позволяет детально рассмотреть проблематику данного феномена с точки зрения трудностей и расхождений людей в дальнейшей совместной жизни. Также он говорит о том, «...что успех или неудача зависит от ориентации и взглядов людей, вступающих в брак. Следует также отметить открытость к межнациональным бракам, свойственную современному обществу» [5, с. 54–58].

Ростовская Т. К., анализируя проведенное в 2015 году авторское вузовское исследование «Кросскультурные браки в современном российском обществе глазами молодежи», обращает внимание на ключевой мотив создания кросскультурных браков: «...более 90% от всех респондентов – 153 человека ответили, что доминирующим фактором в предбрачных отношениях является любовь – самое глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. Для многих важной причиной также являются семейные традиции и как итог отношений – необходимость заключения брака» [6, с. 19–23].

В результате заключения кросскультурных браков растет открытость взглядов и происходит признание допустимости различий во взглядах партнеров, что стабилизирует брак [7]. Более того, в процессе транскультурации в условиях межнационального брака разные культуры влияют друг на друга, что приводит к изменению культур и возникновению новой, на основе которой и строится жизнь семьи [8]. Тем самым межнациональный брак выступает механизмом взаимодействия между этническими группами, что означает, что эти группы принимают друг друга как равные в обществе [9].

Изучая детерминанты принятия кросскультурного брака, учёные делают вывод о том, что процесс зависит от многих факторов, таких как возраст, пол, экономический статус, образование и т. д. Например, исследования в Швеции показывают, что молодое население более позитивно относится к межкультурным и межнациональным отношениям, чем старшее население, и такие браки чаще встречаются среди представителей молодого поколения. Более того, хотя ряд исследований показывают, отсутствие связи между полом и отношением к межкультурным бракам [10], анализ отдельных работ позволяет говорить, что

мужчины более склонны к межкультурным отношениям в контексте личных отношений [11]. Это подтверждается исследованием Р. Торгрена, в ходе которого выявилось, что мужчины более позитивно относятся к межкультурному браку [9]. Женщины более серьёзно относятся к процессу принятия решения о браке, чем мужчины [12]. Женщины в процессе выбора мужа учитывают доходность будущего супруга, расу и интеллект, тогда как мужчины в основном сосредотачиваются на физической привлекательности [13]. Это означает, что женщины предпочитают выходить замуж за человека с таким же происхождением как у них и предполагаемым достаточно высоким социально-экономическим статусом.

Распространению кросскультурных браков способствует миграция. Одним из важнейших факторов, влияющих на отношение к иммигрантам, является религия. Так, в шведских СМИ образ мусульманского иммигранта-мужчины связан с преступностью, проблемами и другими традициями [14]. И они чаще всего воспринимаются как угроза женщинам, ценностям и нормам [15]. Религиозные различия и стереотипы сильно влияют на отношение женщин к межкультурным бракам. Ещё один важный фактор, влияющий на отношение к межнациональному браку, – это уровень образования, который имеет положительную корреляцию с отношением к межкультурному браку [16]. Люди с высшим образованием чаще одобряют межкультурный брак, а процент межкультурных браков выше среди людей с более высоким уровнем образования [17].

Рассматривая брачную миграцию как «...перемещение людей через границу с целью заключения брака с иностранным гражданином», российские учёные обращают внимание на проблемный аспект женской брачной эмиграции из России, который рассматривается в контексте потерь демографического потенциала страны [18, с. 85–99].

В исследованиях, проведённых в разных странах, проблеме брачной эмиграции уже достаточно давно уделяется большое внимание. В частности, активно обсуждаются вопросы переезда женщин с целью замужества из менее развитых стран в более развитые [19], рассматриваются проблемы определения правового статуса женщин и детей, рождённых в интернациональном браке, изучаются аспекты регулирования брачной эмиграции через «визу невесты» [20], а также проблемы вовлечения женщин через брачный канал в систему международного траффинга (European Commission, OECD, IOM, OHCHR).

Особого внимания заслуживает самоопределение ребенка в кросскультурной семье с православно-мусульманской культурно-религиозной моделью брачно-семейных отношений. Ростовская Т. К., Сулейманов А. отмечают, что данная проблема «...не стоит остро в русско-турецкой семье, так как взаимоотношения ребенка и родителей строятся на паритетных началах на основе кросскультурного взаимодействия и коммуникации. Основу данных взаимоотношений ребенка и родителей составляет доверительные отношения между супругами, где присутствуют любовь, взаимопонимание и взаимоуважение всех членов семьи». Таким образом, жизнеспособность православно-мусульманской культурно-религиозной модели брачно-семейных отношений зависит напрямую от мотива создания данного вида кросскультурной семьи [21, с. 110–117].

Рассматривая жизнеспособность межнациональных браков в Японии, которые составляют около 3% от общего числа регистрируемых браков, авторы отмечают значимую роль брачно-семейных отношений между японскими мужчинами и русскими девушками, «...которые способны обеспечить не только тесное взаимодействие между представителями различных культур, этносов и религий,

но и формировать управленческо-организационные процессы, направленные на улучшение отношений между странами и этносами» [22, с. 78–83].

Вопросы кросскультурной толерантности и интолерантности, взаимоотношения между двумя разным культурным традициям, – российской и иранской – являются также предметом исследований многих учёных [23]. Исследования показывают, что иранцы проявляют гибкость с точки зрения принятия культуры страны, в которой они живут. Например, результаты исследования, проведенного Джалали в 2005 году, свидетельствуют, что иранцы сохраняют и представляют свои персидские ценности и поведение, и также они принимают западную культуру страны, в которой они живут [24]. Опрос иранцев, проживающих в Соединенных Штатах Америки, продемонстрировал, что они воспитывают своих детей на основе иранских традиций и культур, но в то же время осознают важность интеграции своих детей в общество США, более того, они открыты для брака их детей с людьми другой национальности [25]. Межкультурные браки между ирано-американскими женщинами, состоящими в браке с европейско-американскими мужчинами, показывают, что успешность брака является результатом схожих ценностей и убеждений, уважения и понимания, которые совместимы с индивидуальными характеристиками в убеждениях, ценностях, общении, принятии различий, что укрепляет взаимопонимание в браке [26].

Создавая кросскультурный брак, люди сталкиваются и с законодательными коллизиями и трудностями его официального оформления. Вопросам правового положения супруги-иностранки в Иране посвящена статья И. И. Салихова и Э. Н. Малмира [27]. Раджаби Захра Хоссейна в статье «Брак и семья в правовой системе Исламской Республики Иран» рассматривает нормы и принципы мусульманского права, коллизии в семейном законодательстве. Показано, как закреплённые в законе постулаты мусульманского права влияют на все сферы жизни иранского общества. Анализируются различные сферы жизнедеятельности иранцев: культурно-досуговые практики, нормы одежды, поведения и основы социального взаимодействия [28]. Проведенный в работах анализ доказывает сложность принятия межнациональных браков и с точки зрения отдельной личности, и с позиции государства и общества.

Одна из основных дискуссий в иранском законе о кросскультурном браке – это гражданство и национальность, налагаемые на супругов-иностранцев обязательства – могут ли они сохранить своё предыдущее гражданство и религию, или они обязаны изменить своё гражданство, что в значительной степени связано с законами и правилами как в странах регистрации брака, так и в стране происхождения супругов. Некоторые считают, что для сохранения единства в семье и избежания проблем, связанных с привилегиями гражданства, пара должна иметь одно гражданство; и для достижения этого единства они обычно предписывают принятие женщиной гражданства страны мужа [29]. Однако, с другой точки зрения, считается, что мужчины и женщины должны иметь возможность сохранять своё фактическое гражданство и могут изменить его в соответствии с собственным желанием [29]. Следовательно, не должно быть никаких официальных ограничений и влияния национальности на процесс заключения межкультурного брака.

Источники и методы. В статье представлен анализ авторского международного социологического исследования «Российско-иранские браки в контексте межкультурных взаимодействий», проведённого в 2021 г. Объектом исследования выступили представители различных возрастных групп, городские жители

России и Ирана в возрасте от 18 до 60 лет, состоящие в кросскультурных браках; имеющие в своём окружении семьи, основанные на кросскультурном браке или находящиеся в межэтнической, межконфессиональной среде (в силу образовательной или профессиональной деятельности).

Методология исследовательского проекта основана на проведении количественного (социологического) исследования в регионах России и Ирана. Опрос носил пилотажный характер – его задачами выступали апробация инструментария и программы исследования; определение оптимальных путей формирования выборочной совокупности; необходимость выделения типологических групп респондентов. Сбор информации для объективной оценки характеристики браков между иранцами и россиянами весьма затруднителен в силу неясности масштабов и локализации самой генеральной совокупности. Латентность многих проблем в межэтнических и межконфессиональных браках, противоречивость взглядов и оценок определили сложности при формировании инструментария обследования.

Тем не менее, проведённое на локальной совокупности исследование позволило сделать определённые выводы.

В ходе исследования было опрошено 153 человека, в том числе 105 иранцев и 48 россиян. Незначительная совокупность опрошенных на территории России не позволяет корректно использовать, в том числе для сравнительного анализа, частотные распределения. Однако в ряде случаев авторы сочли возможным приводить данные о численности лиц, выбравших тот или иной вариант ответа.

Среди иранских респондентов 61,0% женщин и 39,0% мужчин, для российских – характерен значительный перевес женщин, 44 человека из 48. Средний возраст респондентов составил в Иране 23,9 года, в России – 34,1 года. Это статистически значимая разница, которая безусловно, в ряде случаев сыграла свою роль в различиях в ответах.

Для респондентов характерен высокий уровень образования – среди иранских респондентов 91,4% имеют высшее образование, 8,6% – послевузовское. 39 россиян из 48 имеют высшее образование. Значительная часть иранских респондентов продолжает обучение, либо трудится в сфере образования (42,9%). Среди российских респондентов большая часть так же трудится в сфере образования (19 человек) или государственном управлении (10 человек).

Среди респондентов из Ирана большая часть никогда не состояла в браке (94,2%) и лишь около 5% (4,8%) состоят в браке. Подавляющее большинство иранцев проживает в полных семьях (95,0%). Среди россиян 20 человек состоят в браке, 14 – никогда в браке не состояли; встречаются также лица, состоящие в незарегистрированном браке (4) и разведённые (5). Среди россиян чаще встречаются неполные семьи, из 48 респондентов 9 человек проживают в составе неполных семей.

Среди иранских респондентов лишь четвертая часть (23,8%) относит себя к верующим людям (приверженцы ислама), 30,5% – нет, остальные затруднились с ответом. Среди россиян так же встречаются люди, по-разному относящиеся к религии: 30 человек считают себя верующими, в том числе 23 – сторонники православия.

Тем самым нетрудно заметить, что совокупность респондентов представляет взгляды городских жителей Ирана и России с высоким уровнем образования (причём более чем у половины респондентов родители так же имеют высшее образование), в значительной степени толерантно относящихся к религии, довольно молодых возрастов.

Модель семьи и брака. Отношение к кросскультурным бракам целесообразно рассмотреть на фоне представлений о моделях семьи и брака, оценок места семьи в системе ценностей, проблем жизнедеятельности семей и особенностей их функционирования по мнению респондентов в странах, где проводилось исследование. Это позволяет определить характер и причины отношения к межэтническим бракам.

Наибольшее значение среди мотивов, которые «очень важны» при заключении брака, имеют, по мнению респондентов из обеих стран, любовь, психологическая и душевная близость, желание состоять в браке, жить спокойной семейной жизнью. Это, прежде всего, психологические мотивы. В целом можно сказать, что данные мотивы очень важны как для межнационального, так и для любого другого брака. Материальные, социальные мотивы следуют с большим отрывом. Вступление в брак не является критерием социальной зрелости для значительной части респондентов (мотив заключения брака «желание достичь самостоятельности» оценивается в 3 балла жителями Ирана и в 2,57 балла россиянами). Сексуальное влечение имеет большую роль для российских респондентов (3,5 балла). Вступление в брак для значительной части респондентов не связано с рождением детей (что является мировой демографической тенденцией). Не рассматривается вступление в брак и как своеобразный социальный лифт, мотив «желание переехать в другую страну» занимает последнее место в перечне оцениваемых мотивов.

Важный аспект, характеризующий формирование стратегии по отношению к кросскультурным бракам – представление о желаемой модели семьи. Отвечая на вопрос, с какими взглядами на семью Вы согласны, наиболее высокие баллы респонденты из России и Ирана присудили таким утверждениям, «семья – это, прежде всего, большой труд и терпение в отношении друг друга», «брак должен быть обязательно зарегистрирован, иначе это не настоящая семья» (см. табл. 1).

Наблюдаются определённые расхождения в мнениях респондентов из исследуемых стран. Россияне гораздо реже иранцев полагают, что «одиноким человек не может быть счастлив, смысл жизни в семье», а так же отмечают необходимость заключения брачного контракта. Среди россиян реже встречаются сторонники традиционного распределения ролей в семье, они ниже, чем иранские респонденты оценивают значимость таких характеристик семьи, как «забота о детях является прежде всего обязанностью женщины», «важно соблюдение религиозных правил, обрядов, норм», «девушка должна сохранять девственность до свадьбы», «семья без детей – это не семья», «хорошая жена всегда покорна своему мужу».

Официальное оформление семейных отношений очень важно в иранском обществе, где в культурном и религиозном плане брак без регистрации и рождение ребенка вне брака неприемлемы. Вместе с тем необходимо отметить, что невзирая на традиционность взглядов, среди иранских респондентов встречаются те, кто полагает, что «в наше время развод – это нормально, ничего страшного», «сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит, даже ради детей», «мужчина должен заниматься бытовыми вопросами и воспитанием детей наравне с женщиной», «чтобы завести и воспитать ребенка, не обязательно вступать в брак». Видимо, и среди иранцев присутствуют сторонники различных взглядов на семью и семейные отношения. В целом, официальное закрепление семейных отношений теряет свою значимость для части респондентов в обеих странах. На первый план выходят рациональность и удобство, индивидуализация собственных желаний.

Таблица 1

Значимость характеристик модели семьи

(Вопрос: «С какими взглядами на семью Вы согласны?», средний балл по 5-балльной шкале)

Варианты ответов	Иран	Россия
Семья – это, прежде всего, большой труд и терпение в отношении друг друга	3,89	4,43
Брак должен быть обязательно зарегистрирован, иначе это не настоящая семья	3,68	3,14
Одиноким человек не может быть счастлив, смысл жизни в семье	3,68	2,18
При заключении брака надо оформлять брачный контракт	3,62	2,47
В наше время развод – это нормально, ничего страшного	3,62	3,56
Забота о детях является прежде всего обязанностью женщин	3,58	1,89
Для того, чтобы быть счастливым, необязательно создавать семью	3,58	3,12
Чтобы завести и воспитать ребенка, не обязательно вступать в брак	3,51	2,80
Девушка должна сохранять девственность до свадьбы	3,50	2,36
Мужчина должен заниматься бытовыми вопросами и воспитанием детей наравне с женщиной	3,47	3,78
Семья без детей – это не семья	3,43	2,23
Хорошая жена всегда покорна своему мужу	3,42	1,53
Сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит, даже ради детей	3,30	3,63
Важно соблюдение религиозных правил, обрядов, норм	3,29	2,25
Регистрировать брак не обязательно	3,15	2,25

Важный аспект матримониального поведения, оказывающий влияние на формирование семьи и реализацию её репродуктивной функции – возраст вступления в брак. Большая часть иранских респондентов полагает, что в брак следует вступать в возрасте 26–30 лет – 61,5%. Ещё 32,7% считают, что вступление в брак стоит отложить до возраста старше 30 лет. Среди иранцев мало сторонников как раннего вступления в брак (ранее 25 лет) – 4,8%, так и полагающих, что возраст вступления в брак не играет роли (1,0%).

Мнения россиян в значительной степени отличаются. Вариативность ответов более значительна. Хотя так же лидирует мнение о желательности вступления в брак в возрасте 25–30 лет (16 человек), однако на 2 месте по распространённости мнение «возраст вступления в брак не играет роли» (11 человек). Достаточно и сторонников более раннего вступления в брак, ранее 25 лет – 8 человек.

Вместе с тем, отвечая на вопрос: «Как Вы полагаете, какие браки наиболее прочные?», респонденты из России и Ирана достаточно часто отмечали вариант «заключённые по любви» (31,4% иранцев и 15 россиян). Россияне чаще иранцев склонялись к ответу, что наиболее прочные браки – «заключённые в более взрослом возрасте (после 25 лет)» – 16 человек. Второй по популярности ответ среди иранских респондентов – «на основе крепкой хорошей

дружбы между юношей и девушкой», 22,9%. Среди иранских респондентов гораздо чаще встречаются те, кто полагает, что условием прочности брака выступает вступление в них «по расчёту» (21,9% и 2 человека среди россиян).

Однако при ответе на вопрос: «Что для Вас является показателем успешного брака?» наблюдается гораздо большая вариативность ответов иранцев, по сравнению с россиянами. Практически все российские респонденты ответили, что это прежде всего «тёплые взаимные отношения между супругами» – 42 респондента из 48. Ответы иранских респондентов распределились следующим образом: 46,7% так же выбрали как основной фактор «тёплые взаимные отношения между супругами»; материальную обеспеченность семьи, как индикатор успешного брака выбирают 30,5% опрошенных. Это может свидетельствовать о важности для респондентов материального фактора; при принятии решения о женитьбе ведущую роль играют именно чувства и тёплые отношения партнеров, но с учетом финансовых возможностей партнеров. На третьем месте – «брак, соответствующий принятым в обществе нормам, традициям» (18,1% иранских респондентов). Наличие детей в семье и характер отношений поколений, братьев и сестёр не играет роли в контексте успешности брака.

Для характеристики модели семьи немаловажную роль играет оценка отношений поколений. В ходе исследования выяснилось, какую роль родители супругов играют в жизни их семьи. Молодые семьи иранцев во многом опираются на помощь родительской семьи. Наиболее популярными вариантами ответа, характеризующими значение и роль родителей в новой семье, оказались: «покупают вещи» (67,4%), «оказывают денежную помощь» (58,4%), «помогают в воспитании детей» (47,2 %), «ухаживают во время болезни» (35%) и «оплачивают жильё» (29%). Видно, что родители оказывают преимущественно материальную помощь детям. Во многих случаях для иранских пар, состоящих в браке, родители мужа и жены предоставляют квартиру или дом для своих детей. Возможно, такая структура ответов определяется молодым возрастом респондентов.

Ответы россиян значительно отличаются. Наиболее часто родители: дают мудрые советы (21 человек), помогают в воспитании детей (13 человек), ухаживают во время болезни (8 человек), помогают по хозяйству (6 человек). Видно, что родители оказывают преимущественно нематериальную помощь детям. Количество семей, имеющих материальную помощь от родителей, крайне мало: родители оказывают денежную помощь (2%), родители покупают вещи (11%), родители оплачивают жильё (4%). Часть россиян сами оказывают материальную своим родителям (13 человек).

Необходимо уточнение результатов на более представительной выборке для выяснения причин таких различий: возраст респондентов, культурные традиции, различия в уровне жизни.

Рождение и воспитание детей. Важным аспектом, характеризующим функционирование института семьи, выступает реализация её репродуктивной функции. В условиях низкой рождаемости и глобальных тенденций её снижения, оценка репродуктивного потенциала семей весьма актуальна. В ходе исследования респондентам был задан вопрос о желаемом числе детей, что в определённой степени позволяет выяснить репродуктивную стратегию респондентов.

На вопрос, сколько детей респонденты хотели бы иметь, если бы у них были все необходимые условия, респонденты из Ирана отметили 2 ребенка (57%),

3 ребенка (20%) и 6% сказали о своём желании не иметь детей. Среднее число детей для респондентов из Ирана составило 2,03 ребенка, для россиян – 2,29 ребенка. Среди россиян так же присутствуют лица, не желающие (на момент опроса) иметь детей (1 человек), большая часть хотела бы иметь 2-3 детей (33 человека). Россияне и иранцы близки по показателям, характеризующим их репродуктивные установки.

Таблица 2

Распределение иранских респондентов по показателю желаемого числа детей
(% к числу ответивших)

Варианты ответа	Доля, %
0	5.7
1 ребенок	13.3
2 ребенка	57.1
3 ребенка	20.0
4 ребенка	1.9
5 и более	1.0
трудно сказать	1.0
<i>Итого</i>	<i>100.0</i>

Респондентам также был задан вопрос: «Если бы Вы хотели иметь более 3-х детей, то почему?». На данный вопрос отвечали респонденты, желаемое число у которых составило 3 и более детей (26 иранцев и 19 россиян). В лидерах вариант ответа: «люблю, когда в доме много детей» (19 иранцев и 12 россиян). Гораздо менее популярен ответ «много детей будут поддерживать в старости» (6 и 4 человека соответственно). Практически никто не указывает на значимость традиций «иметь много детей – традиция в нашем обществе (социальной группе)». Не нашли сторонников варианты ответа «иметь много детей предписано по религии», «совет мужа и родственников».

Можно обоснованно предположить, что на показатель желаемого числа детей влияет то, сколько было детей в семьях респондентов. Исследование показало, что большинство иранских респондентов (82%) росли в семьях, где было 2 ребенка и больше. Родительские семьи российских респондентов были более малодетны, среди них меньше семей с 3-мя детьми и чаще встречаются однодетные семьи (13 человек из 48 дали такой ответ). Снижение рождаемости в иранских городских семьях, среди лиц с высоким уровнем образования, происходило более интенсивно, чем в российских.

Важным аспектом жизнедеятельности кросскультурной семьи выступает выстраивание стратегии воспитания детей с учетом мозаичной культурной и конфессиональной среды, обусловленной мировоззрением, вероисповеданием, культурой их родителей, принадлежащих к различным этносам. Для выявления взглядов на перспективы воспитания детей респондентам, состоящим в кросскультурных браках, были заданы вопросы о том, какое вероисповедание планируют пары прививать своим детям, и изучают ли дети в их семье языки обоих родителей.

В ходе опроса пар, состоящих в кросскультурных браках, выявлено, что в целом, в контексте воспитательной стратегии детей острых противоречий во

мнениях родителей не отмечается. Из 4 респондентов из Ирана 3 дали ответ «религия не играет значительной роли в воспитании детей в нашей семье». Такого же мнения придерживаются 4 из 9 российских респондентов. Остальные ответили, что «у нас с супругом(ой) одно вероисповедание».

Рассуждая о том, будут ли респонденты, состоящие в кросскультурных браках, обучать своих детей языкам обоих родителей, большинство опрошенных из России (6 человек) отметили, что их дети изучают языки обоих родителей, 1 человек дал ответ, что «дети изучают только язык той страны, где они проживают» и 1 – что супруги «планируют в будущем научить детей второму языку». 3 иранских респондента выбрали ответ «планируем в будущем научить детей второму языку» (видимо, дети ещё маленькие, как можно предположить, исходя из возраста респондентов).

Можно предположить, что большая часть родителей в кросскультурных семьях с уважением относится к языку супруга(и) как элементу культуры и предпочитают, чтобы дети в их семьях росли билингвами. В то же время такой подход в воспитании обеспечивает детям, рождённым в кросскультурных браках, определённые преимущества в обществе, образовании и будущей профессии.

Заключение. Проведенное пилотажное исследование, несмотря на незначительную выборку, позволило сделать определённые выводы, касающиеся как методики проведения исследования, так и его содержательных результатов.

Исследование показало значительную дифференциацию ответов и иранских, и российских респондентов, свидетельствующую о многообразии стратегий в сфере формирования семьи. Среди респондентов двух стран можно найти как сторонников традиционной модели семейных отношений, так и современной модели семьи. Официальное закрепление семейных отношений теряет свою значимость для части респондентов в обеих странах. Большее значение приобретают рациональность и удобство, индивидуализация собственных желаний.

В контексте реализуемых в семьях, основанных на кросскультурных браках, воспитательных стратегий, выяснилось, что острых противоречий во мнениях родителей не отмечается, им удастся добиться единства в подходах к воспитанию детей.

Мнения по поводу необходимости реализации специальной политики, мер поддержки, в том числе информационной, в отношении кросскультурных браков разделились, что требует дополнительного исследования.

Полученные результаты будут полезны при формировании стратегии семейной политики и поддержки кросс-культурных браков, включая юридическую и информационную поддержку, не только в России и Иране, но и в других странах, отличающихся культурным многообразием. Среди субъектов такой политики важнейшим выступают учреждения профессионального образования.

Библиографический список

1. *Sullivan C., Cottone R.* Culturally based couple therapy and intercultural relationships: a review of the literature // *The Family Journal*. 2006. Vol. 14, № 3. P. 221–225. DOI [10.1177/1066480706287278](https://doi.org/10.1177/1066480706287278). EDN [JQEGEZ](https://www.edn.org/JQEGEZ).
2. *Romano D.* Intercultural marriage: promises and pitfalls. Yarmouth : Intercultural Press, 2008. 228 p. ISBN 978-1931930529.
3. *Bhugra D., De Silva P.* Couple therapy across cultures // *Sexual and Relationship Therapy*. 2000. Vol. 15, № 2. P. 183–192. DOI [10.1080/14681990050010763](https://doi.org/10.1080/14681990050010763).

4. Woods D. R. Review of Love's revolution: interracial marriage. Maria P. Root // *The Journal of Sociology & Social Welfare*. 2002. Vol. 29, Issue 4, Article 10. URL: <https://scholarworks.wmich.edu/jssw/vol29/iss4/10> (accessed: 27.12.2022).
5. Бабочкин П. И. Кросскультурные браки в полиэтнической среде // Управление мегаполисом. 2008. № 3. С. 54–58. EDN KYPHWL.
6. Ростовская Т. К., Егорычев А. А. Современные российские реалии и молодёжь: проблемы и перспективы развития // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики: матер. Всерос. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Т. К. Ростовской. Москва-Ялта: ИД «Перспектива», 2019. С. 19–23. EDN FWCSGP.
7. Seward M. Identity negotiations and third culture building in intercultural marriages (Doctoral dissertation, Southern Illinois University at Carbondale, Illinois, 2008) // *Dissertation Abstracts International*. 2008. Vol. 69(8). Available from ProQuest Dissertation and Thesis Database (UMI No. 3320302).
8. Lull J. Media, communication, culture: A global approach. New York: Columbia University Press, 2000. 320 p. ISBN 978-0-745-62191-3.
9. Törngren S. O. Attitudes toward interracial marriages and the role of interracial contacts in Sweden // *Ethnicities*. 2016. Vol. 16, № 4. P. 568–588. DOI [10.1177/1468796816638400](https://doi.org/10.1177/1468796816638400).
10. Johnson B. R., Jacobson C. K. Contact in context: An examination of social settings on Whites' attitudes toward interracial marriage // *Social Psychology Quarterly*. 2005. Vol. 68, № 4. P. 387–399. DOI [10.1177/019027250506800406](https://doi.org/10.1177/019027250506800406).
11. Gardyn R. The mating game // *American Demographics*. 2002. Vol. 24, № 7. P. 33–37.
12. Hirschl T. A., Altabelli J., Rank M. R. Does marriage increase the odds of affluence? Exploring the life course probabilities // *Journal of Marriage and the Family*. 2003. Vol. 65, № 4. P. 927–938. DOI [10.1111/j.1741-3737.2003.00927.x](https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00927.x). EDN GXTMLD.
13. Fisman R. J., Iyengar S. S., Kamenica E. *et al.* Gender differences in mate selection: Evidence from a speed dating experiment // *Quarterly Journal of Economics*. 2006. Vol. 121, № 2. P. 673–697. DOI [10.1162/qjec.2006.121.2.673](https://doi.org/10.1162/qjec.2006.121.2.673).
14. Brune Y. Gothenburg studies in journalism and mass communication: tre studier i journalistik om "invandrare", flyktingar och rasistiskt vald. Goteborg: Goteborgs univ., 2004. 396 p. ISBN 91-88212-18-1. EDN QSVXXN.
15. Khosravi S. Displaced masculinity: Gender and ethnicity among Iranian men in Sweden // *Iranian Studies*. 2009. Vol. 42, № 4. P. 591–609. DOI [10.1080/00210860903106311](https://doi.org/10.1080/00210860903106311).
16. Wilson D. S., Jacobson C. K. White attitudes towards Black and White interracial marriage // Jacobson C. K. (ed.) *American families: issues in race and ethnicity*. New York, London: Garland Publ., 1995. P. 353–367. ISBN 978-0815319597.
17. Kalmijn M. Trends in Black/White intermarriage // *Social Forces*. 1993. Vol. 72, № 1. P. 119–146. DOI [10.1093/sf/72.1.119](https://doi.org/10.1093/sf/72.1.119). EDN BPDHRL.
18. Рязанцев С. В., Сиволясова С. Ю., Ростовская Т. К. [и др.]. Брачная эмиграция женщин из России: масштабы, причины, особенности // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 85–99. DOI [10.21064/WinRS.2018.4.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8). EDN VORDFH.
19. Charsley K., Bolognani M., Spencer S. *et al.* *Marriage Migration and Integration*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 342 p. ISBN 978-3030402518.
20. Karam T. Chart: What to expect when sponsoring a fiancé or spouse for a green card // *Nolo*. 2016. URL: <https://www.nolo.com/legal-encyclopedia/green-card-sponsoring-fiance-spouse-29026.html> (accessed: 27.12.2022).
21. Ростовская Т. К., Сулейманов А. Д. Жизнеспособность кросскультурных браков в России и Азербайджане // *Вестник ВЭГУ*. 2017. № 2(88). С. 110–117. EDN YKSGUB.
22. Ростовская Т. К., Лукьянец А. С., Рязанцев Н. С. Особенности и тенденции кросскультурных браков в Японии // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2020. № 11. С. 78–83. DOI [10.20339/AM.11-20.078](https://doi.org/10.20339/AM.11-20.078). EDN DJYFUI.
23. Нури Тайебех. Кросскультурное исследование особенности толерантности у жителей России и Ирана // *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2010. № 17. С. 285–293. EDN NDSRKD.
24. Jalali B. Iranian families // *Ethnicity and family therapy* / Ed. by M. McGoldrick, J. Giordano, N. Garcia-Preto. New York: Guilford Press, 2005. P. 451–467. ISBN 978-1593850203.
25. Chaichian M. A. First generation Iranian immigrants and the question of cultural identity: the case of Iowa // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31, № 3. P. 612–627. DOI [10.1177/01979183970310](https://doi.org/10.1177/01979183970310). EDN HIDRCR.

26. *Ruebelt S. G., Singaravelu H., Daneshpour M. [et al.]*. Exploration of cross-cultural couples' marital adjustment: Iranian American women married to European American men // *Current Psychology*. 2015. №3. P. 437–449. DOI [10.1007/s12144-015-9312-3](https://doi.org/10.1007/s12144-015-9312-3).
27. *Салихов И. И., Малмир Э. Н.* Правовое положение супруги по законодательству Российской Федерации и исламской Республики Иран // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 159, № 2. С. 426–438. EDN [ZHBVJTN](#).
28. *Хоссейна Р.З.* Брак и семья в правовой системе Исламской Республики Иран // *Известия Сочинского государственного университета*. 2014. № 4-2. С. 186–189. EDN [TG-FAKJ](#).
29. *Nasiri M.* *Private International Law*. Tehran : Agah Publ., 2004. 114 p.

Поступила в редакцию: 08.11.2022. Принята к печати: 01.12.2022.

Сведения об авторах:

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. rostovskaya.tamara@mail.ru

Author ID РИНЦ: 767943

ORCID: 0000-0002-1629-7780

Researcher ID (WoS): F-5579-2018

Scopus ID: 57192987864

Кучмаева Оксана Викторовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. kuchmaeva@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 496666

ORCID: 0000-0003-0386-857X

Researcher ID (WoS): L-9513-2015

Scopus ID: 35183367300

T. K. Rostovskaya¹, O. V. Kuchmaeva¹

¹Institute for Demographic Research FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

CROSS-CULTURAL MARRIAGES AS A RESERVE OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA

Abstract. With the deepening of the process of globalization, the scale of interaction between different cultures, their interpenetration, mixing is expanding, which increases the possibility of cross-cultural marriages. The problems of the analysis of cross-cultural marriages in Russia and Iran seem to be an urgent direction for research. Cross-cultural marriages between Russians and Iranians serve as one of the significant elements of the process of rapprochement of two different cultures, and also contribute to the development of interest and tolerant attitude of Russians to the cultural traditions of the East. The purpose of this work is to analyze the attitude of Iranians and Russians to cross-cultural marriages against the background of the transformation of the desired family model, to identify the factors of the formation of cross-cultural marriages. The conclusions are based on the results of the International sociological study "Russian-Iranian marriages in the context of intercultural interactions", conducted in June-September 2021 in the cities of Russia and Iran by a team of authors. The sample size was 153 people, including representatives of different generations aged 18 to 60 years. The results of the survey revealed ideas about the model of family and marriage for residents of Iran and Russia. The study identified the main motives for concluding a cross-cultural marriage, the respondents' views on family relationships, as well as their attitude to the official registration of the status of spouses. A separate block of questions was aimed at studying the problems and living conditions of spouses in cross-cultural marriages, the need for special support measures. The attitude to cross-cultural marriages in society, both on the part of Russians and Iranians, is considered. The results obtained can be used in the development of strategies for the development of socio-cultural interaction between Russia and Iran. It is important to take into account the conclusions of the study as part of efforts aimed at smoothing out possible acute issues of interethnic relations; providing support to

cross-cultural families in the process of adaptation and familiarization with the norms, traditions, customs of a new culture for the spouse.

Keywords: cross-cultural marriages; family institution; Russian-Iranian marriages; intercultural interactions; interethnic marriages; interethnic interactions; family model

For citation: Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. (2023) Cross-cultural marriages as a reserve of demographic development in Russia. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 159–172. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.12

References

1. Sullivan C., Cottone R. Culturally based couple therapy and intercultural relationships: a review of the literature. *The Family Journal*. 2006;14(3):221–225. DOI [10.1177/1066480706287278](https://doi.org/10.1177/1066480706287278).
2. Romano D. *Intercultural marriage: Promises and Pitfalls*. 3rd ed. Yarmouth: Intercultural Press; 2008. 228 p. ISBN 978-1931930529.
3. Bhugra D., De Silva P. Couple therapy across cultures. *Sexual and Relationship Therapy*. 2000;15(2):183–192. DOI [10.1080/14681990050010763](https://doi.org/10.1080/14681990050010763).
4. Woods D. R. Review of Love's revolution: interracial marriage. Maria P. Root. *The Journal of Sociology & Social Welfare*. 2002;29(4). Article 10. URL: <https://scholarworks.wmich.edu/jssw/vol29/iss4/10> (accessed: 27.12.2022).
5. Babochkin P. I. Cross-cultural marriages in a multiethnic environment. *Upravlenie megapolisom*. 2008;(3):54–58 (in Russ.).
6. Rostovskaya T. K., Egorychev A. A. Modern Russian realities and youth: problems and prospects of development. In: Rostovskaya T. K. (ed.). *Cultural space of youth: meanings and practices: materials of the All-Russian Scientific and Practical conf. Moscow-Yalta: Perspektiva Publ.; 2019. P. 19–23 (in Russ.)*.
7. Seward M. Identity negotiations and third culture building in intercultural marriages (Doctoral dissertation, Southern Illinois University at Carbondale, Illinois, 2008). *Dissertation Abstracts International*. 2008;69(8). Available from ProQuest Dissertation and Thesis Database (UMI No. 3320302).
8. Lull J. *Media, communication, culture: A global approach*. New York: Columbia University Press; 2000. 320 p. ISBN 978-0-745-62191-3.
9. Törngren S. O. Attitudes toward interracial marriages and the role of interracial contacts in Sweden. *Ethnicities*. 2016;16(4):568–588. DOI [10.1177/1468796816638400](https://doi.org/10.1177/1468796816638400).
10. Johnson B. R., Jacobson C. K. Contact in context: An examination of social settings on Whites' attitudes toward interracial marriage. *Social Psychology Quarterly*. 2005;68(4):387–399. DOI [10.1177/019027250506800406](https://doi.org/10.1177/019027250506800406).
11. Gardyn R. The mating game. *American Demographics*. 2002;24(7):33–37.
12. Hirschl T. A., Altobelli J., Rank M. R. Does marriage increase the odds of affluence? Exploring the life course probabilities. *Journal of Marriage and the Family*. 2003;65(4):927–938. DOI [10.1111/j.1741-3737.2003.00927.x](https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00927.x).
13. Fisman R. J., Iyengar S. S., Kamenica E. [et al.]. Gender differences in mate selection: Evidence from a speed dating experiment. *Quarterly Journal of Economics*. 2006;121(2):673–697. DOI [10.1162/qjec.2006.121.2.673](https://doi.org/10.1162/qjec.2006.121.2.673).
14. Brune Y. *Gothenburg studies in journalism and mass communication: tre studier i journalistik om "invandrare", flyktingar och rasistiskt vald*. Goteborg : Goteborgs univ.; 2004. 396 p. ISBN 91-88212-18-1.
15. Khosravi S. Displaced masculinity: Gender and ethnicity among Iranian men in Sweden. *Iranian Studies*. 2009;42(4):591–609. DOI [10.1080/00210860903106311](https://doi.org/10.1080/00210860903106311).
16. Wilson D. S., Jacobson C. K. White attitudes towards Black and White interracial marriage. In: Jacobson C. K. (ed.). *American families: issues in race and ethnicity*. New York, London: Garland Publ.; 1995. P. 353–367. ISBN 978-0815319597.
17. Kalmijn M. Trends in Black/White intermarriage. *Social Forces*. 1993;72(1):119–146. DOI [10.1093/sf/72.1.119](https://doi.org/10.1093/sf/72.1.119).
18. Ryazancev S. V., Sivoplyasova S. Yu., Rostovskaya T. K. [et al.]. Marriage emigration of women from Russia: scale, causes, features. *Woman in Russian Society*. 2019;(4):85–99. DOI [10.21064/WinRS.2018.4.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8) (in Russ.).
19. Charsley K., Bolognani M., Spencer S. [et al.]. *Marriage migration and integration*. Cham: Palgrave Macmillan; 2020. 342 p. ISBN 978-3030402518.

20. Karam T. Chart: What to expect when sponsoring a fiancé or spouse for a green card. 2016. URL: <https://www.nolo.com/legal-encyclopedia/green-card-sponsoring-fiance-spouse-29026.html> (accessed: 27.12.2022).
21. Rostovskaya T. K., Suleymanov A. D. Viability of cross-cultural marriages in Russia and Azerbaijan. *Vestnik VEGU*. 2017;(2):110–117 (in Russ.).
22. Rostovskaya T. K., Lukyanets A. S., Ryazantsev N. S. Features and trends of cross-cultural marriages in Japan. *Alma Mater (Vestnik Vysshey Shkoly)*. 2020;(11):78–83. DOI [10.20339/AM.11-20.078](https://doi.org/10.20339/AM.11-20.078) (in Russ.).
23. Nuri Tajebekh. Cross-cultural research of tolerance feature of Russian and Iran residents. *RSUH/RGGU bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*. 2010;(17):285–293 (in Russ.).
24. Jalali B. Iranian families. In: McGoldrick M., Giordano J., Garcia-Preto N. (eds.). *Ethnicity and family therapy*. New York: Guilford Press; 2005. P. 451–467. ISBN 978-1593850203.
25. Chaichian M. A. First generation Iranian immigrants and the question of cultural identity: the case of Iowa. *International Migration Review*. 1997;31(3):612–627. DOI [10.1177/01979183970310](https://doi.org/10.1177/01979183970310).
26. Ruebelt S. G., Singaravelu H., Daneshpour M. [et al.]. Exploration of cross-cultural couples' marital adjustment: Iranian American women married to European American men. *Current Psychology*. 2015;(3):437–449. DOI [10.1007/s12144-015-9312-3](https://doi.org/10.1007/s12144-015-9312-3).
27. Salihov I. I., Malmir E. N. The legal status of wife under the law of the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2017;159(2):426–438 (in Russ.).
28. Khosseina R. Z. Marriage and family in legal frameworks in Islamic Republic of Iran. *Izvestiya Sochi State University*. 2014;(4-2):186–189 (in Russ.).
29. Nasiri M. *Private international law*. Tehran: Agah Publ.; 2004. 114 p.

Received: 08.11.2022. Accepted: 01.12.2022.

Information about the authors:

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of sociology, professor, deputy director for research, Institute for demographic research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1629-7780; Researcher ID (WoS): F-5579-2018; Scopus ID: 57192987864

Oksana V. Kuchmaeva, Doctor of economics, professor, chief researcher, Institute for demographic research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

kuchmaeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0386-857X; Researcher ID (WoS): L-9513-2015; Scopus ID: 35183367300